

ГАЙКА ДЛЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Инженер против фаланги.
Физика против бронзы.

АМИНА НУР

Амина Нур Гайка для Александра Македонского

<https://litres.ru/74599797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если в идеально отлаженную фалангу Александра Македонского бросить деталь из будущего? Студент-историк Арман попадает в 329 год до н. э. и становится главным советником Спитамена, вождя Согдианы. В мире, где решают мечи, Арман противопоставляет бронзе законы физики и инженерный расчет. Это захватывающая история о столкновении двух эпох, где каждый чертеж может изменить судьбу империи, а цена ошибки — жизнь героя. Сумеет ли «пророк» из XXI века перехитрить величайшего завоевателя?

Содержание

Глава	4
Введение	5
Глава 1. Сбой в расписании (Поезд Алматы - Москва)	7
Глава 2. Пыль веков: Пробуждение на Яксарте	11
Глава 3. Степной лагерь	17
Глава 4. Лес копий и огненный дождь	23
Глава 5. Первый бой: Тень македонской сариссы	29
Глава 6. Море Камышей и Призрак Будущего	37
Глава 7. Тени Мараканды	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Гайка для Александра Македонского

Глава

Инженер против фаланги.

Физика против бронзы.

Введение

История — это не только даты в учебниках и пыльные бюсты завоевателей. Это цепочка событий, где малейшее отклонение может разрушить целую империю. Что будет, если в идеально отлаженный механизм македонской фаланги бросить одну маленькую деталь из будущего? Обычную стальную гайку М12, оказавшуюся в руках студента из XXI века.

Эта книга о столкновении двух миров. О том, как знание законов физики становится сильнее македонской сариссы и безжалостного эллинского ксифоса, а верность степным традициям вступает в схватку с холодным расчетом завоевателя. На берегах древнего Яксарта(Сырдарьи), в пыли Мараканды(Самарканда) и на отвесных скалах Согдианы решается судьба не только Александра Великого, но и самого времени.

Это история о Спитамене — призраке степи, о Роксане — женщине, чья мудрость превзошла мечи генералов, и об обычном студенте Армане, который понял: чтобы спасти прошлое, нужно самому стать его частью.

ОТ АВТОРА: Эта повесть — мост между инженерной мыслью современности и великим прошлым Великой Степи. Несмотря на использование исторических имен и локаций (Яксарт, Мараканда, Политимет), текст является художественным произведением. Образ Хутай — авторский вы-

мысел, созданный для усиления драматизма. Хронология событий (включая дату взятия Согдийской Скалы в 327 г. до н.э.) адаптирована для сюжетной целостности.

Об имени «Искандер Зулькарнайн»: В тексте повести Александр Македонский неоднократно именуется «Искандером» и «Искандером Зулькарнайном». С точки зрения строгой исторической хронологии, эти имена — анахронизм. Форма «Искандер» является поздней, арабизированной версией греческого «Александрос», а эпитет «Зулькарнайн» (Двурогий) вошёл в восточную традицию лишь после возникновения ислама. В романе это сознательный художественный приём. Используется привычное для современного читателя «восточное» имя завоевателя, чтобы передать восприятие Александра народами Согдианы и степи — не как «своего», а как чужака, чей образ со временем оброс легендами и превратился в грозный миф. Это не историческая реконструкция, а часть художественной стилизации.

Глава 1. Сбой в расписании (Поезд Алматы - Москва)

За окном поезда «Алматы — Москва» расстилалась бесконечная, выжженная добела степь. Арман прижал лоб к прохладному стеклу вагона. В наушниках на полной громкости надрывался Курт Кобейн, заглушая вечный перестук колес и храп соседа по купе.

Арман выделялся среди сверстников: высокий, белокожий, с большими выразительными глазами и русыми волосами, с обычной современной стрижкой. Он обожал историю, буквально жил ею и только что успешно закрыл сессию за первый курс исторического факультета ЮКГУ. Шымкент остался позади — с его шумными кофейнями на Тауке хана, душными аудиториями универа и вечными пробками.

Сейчас он ехал домой, — в Аральск, к своему деду. Дед называл такие поездки «экспедицией к корням», а Арман — «ссылкой в пески». В рюкзаке, рядом с зарядкой от ноутбука и парой футболок, лежал увесистый том в старом переплете — Арриан, «Поход Александра». Подарок любимого профессора с истфака.

— Почитай на досуге, Арман, — сказал тогда старик. — Ты ведь едешь туда, где великий Искандер едва не сложил голову. Поймешь, что твоя степь — это не просто пустота на

карте.

Арман снял наушники, повесил их на шею и открыл книгу на середине.

«...Александр же, достигнув реки Яксарт, приказал заложить город, назвав его своим именем. Саки же, стоя на другом берегу, пускали стрелы и смеялись, говоря, что царь никогда не перейдет эту воду...»

— Смеялись они, как же, — пробормотал Арман, поправляя футболку с логотипом «Nirvana». — Сейчас бы там кто-нибудь посмеялся при +45 градусах.

Поезд начал замедлять ход. Это была не станция. Состав просто встал посреди нигде, — между Туркестаном и Кызылордой. Тишина, обрушившаяся на вагон, была почти физически ощутимой. Кондиционер отключился, и в купе мгновенно ворвался запах раскаленного металла и горькой пыли.

Арман вышел в тамбур. Проводник, сонный и недовольный, возился с дверью.

— Эй, ага, долго стоим? — спросил молодой историк.

— Техническая остановка, балам. Полчаса минимум. Выйди подыши, только далеко не отходи.

Арман прыгнул на щебенку. Степь вокруг дрожала от зноя. Справа, метрах в пятидесяти, виднелась серебристая лента Сырдарьи. Она казалась здесь узкой и усталой, совсем не похожей на ту великую реку из учебников.

Арман пошел к берегу, на ходу открывая книгу. Ему за-

хотелось сравнить описание Арриана с реальностью.

«Берег был крут, и варвары занимали господствующие высоты...»

Он поднял глаза от страницы. Странно. Воздух над рекой стал густым, как кисель. Звуки степи — стрекот саранчи, шелест сухой травы — вдруг смолкли. Арман почувствовал, как волосы на руках встали дыбом.

— Что за... — начал он, но голос сорвался.

Железнодорожные пути за его спиной начали таять в мареве. Вагоны поезда превратились в бесформенные серые тени, а затем и вовсе исчезли. Вместо них на горизонте начали вырастать странные конусы. — Юрты? Нет, кожаные шатры.

Арман обернулся к реке. Сырдарья больше не была узкой лентой. Она вздулась, стала широкой, мутной и яростной. А на том берегу...

Арман зажмурился, а когда открыл глаза, сердце пропустило удар.

На другом берегу под палящим солнцем стоял лес. Но не из деревьев. Это был лес из копий. Тысячи медных наконечников сверкали так ярко, что больно было смотреть. Ритмичный, тяжелый гул ударов щитов о землю сотрясал почву под его кедами.

Бам. Бам. Бам.

— Этого не может быть, — прошептал студент истфака, пятясь назад.

Он споткнулся о корень саксаула и упал на спину, больно

ударившись затылком о жесткую землю. Книга Арриана вылетела из рук. Прямо над его головой со свистом пролетела стрела — длинная, с костяным наконечником и ярким оперением. Она вонзилась в землю в сантиметре от его плеча. В глазах Армана потемнело, и он потерял сознание.

Глава 2. Пыль веков: Пробуждение на Яксарте

Первое, что Арман почувствовал, придя в себя, — это невыносимый, липкий жар. Аральское солнце в июле — это духовка, но здесь оно жгло, как открытое пламя. Арман лежал на потрескавшейся глине, а воздух вокруг дрожал от зноя. Он с трудом сел, голова раскалывалась. Любимые рваные джинсы были в грязи, а беспроводные наушники лежали чуть поодаль, сверкая белым пластиком в пыли, словно выброшенные на берег кости неведомого зверя.

В десяти метрах лениво катила свои мутные воды река. **Яксарт** (Сырдарья).

Сзади хрустнула ветка саксаула. Арман резко обернулся и замер. На небольшом бархане стоял человек на наряженном коне, чья кожаная сбруя была усыпана тусклыми золотыми бляхами. С ним было еще двое конных, но Арман видел только его.

Арман, как студент-историк, мгновенно начал анализировать его облик. Это не был простой кочевник. На незнакомце был алый кафтан из тяжелого согдийского шелка, поверх которого плотно, как чешуя, были нашиты массивные золотые пластины с рельефами снежных барсов и грифонов — тяжелый, боевой доспех, потемневший от пота и пыли. Короткая

стрижка, гордая осанка, уверенность в каждом жесте и то, как подчиненные держались позади, не оставляли сомнений: перед ним **вазург** — высокий согдийский аристократ.

Незнакомец уже держал **акинак** в руках. Одним текучим движением он принялся небрежно подбрасывать его в воздух, ловя за костяную рукоять и даже не глядя на лезвие. На его губах застыла раздражающая, хитрая полуулыбка человека, привыкшего повелевать.

Когда он подбрасывал меч, рукава кафтана задрались, обнажая жилистые предплечья. Кожу покрывала густая синяя вязь древних татуировок: фантастические барсы, переплетенные в смертельной схватке. Арман знал, что согдийская городская знать редко носила такие знаки, но для вождя, ведущего за собой степные племена, эти пазырыкские татуировки были залогом верности, понятным каждому массажисту.

Всадник смотрел на латинские буквы на футболке. Как образованный аристократ, он был знаком с греческим алфавитом и арамейским письмом, но эти угловатые знаки казались ему причудливым вариантом западного шифра.

— Что здесь написано? — он небрежно указал острием акинака на грудь Армана, пристально глядя на него своими необычайно прозрачными, светлыми глазами.

— Нирвана, — хрипло выдохнул парень.

— «Нирвана»? — произнес всадник, чеканя звуки и пробуя незнакомое слово на вкус. — Странное родовое имя. И

веди себя скромно, отрок, когда с тобой говорит потомок Сиавахаша.

Арман похолодел. Он ожидал услышать непонятный шум, но в ушах, словно после щелчка настроенного радиоприемника, зазвучала чистая речь. То ли близость к реке времени, то ли таинственная связь с книгой Арриана, лежащей рядом, стерла языковой барьер. Он слышал древнесогдийский, но понимал его как родной.

Арман сглотнул. Язык прилип к нёбу, но мозг, застигнутый врасплох, выдал книжную формулу вежливости из согдийских писем:

— **Намочу**... — прохрипел Арман, склоняя голову. — Тысяча поклонов тебе, мой господин. Я не шпион. Я Арман, исследователь прошлого, ученик толмачей(студент) из Шымкента.

Спитамен перестал подбрасывать меч и нахмурился, пробуя незнакомое слово на вкус. — Исследователь? Шымкент? — он задумчиво потер подбородок. — Вероятно, это какая-то крошечная крепость у **кангюев***. Но ты, со своими светлыми глазами, выглядишь так, будто сбежал из театра Искандера. У него там, в Александрии Крайней, любят такие эпатажные наряды.

Он сделал шаг вперед. Его спутники-массагеты напряглись, сжав луки.

— Ты знаешь, кто такой Искандер? — спросил Спитамен. Его улыбка стала шире, но голос оставался ледяным.

— Александр Македонский, — кивнул Арман.

— Македонский... — Спитамен смаковал это слово. — У него так много имен. Фараон, Царь Царей, Сын Зевса, Басилевс... Но здесь, в степи, у него только одно имя: Захватчик. Он считает, что этот Яксарт — граница его мира. Подумать только! Город в Кызылкумах! Он назвал его своим именем. Как это... предсказуемо.

Спитамен подошел совсем близко. От него пахло конем, костром и дорогими благовониями, смешанными с запахом нагретого на солнце доспеха.

— Александр принес нам «порядок», Арман. Но я люблю хаос. Потому что только в хаосе ты по-настоящему свободен. Стены — это гроб, который ты строишь себе сам.

Он снова подбросил акинак. Лезвие блеснуло на солнце.

— Ты знаешь, что он собирается делать дальше? — Спитамен кивнул на другой берег реки, где виднелись очертания строящихся стен Александрии Эсхаты. — В твоём Шымкенте есть... книги об этом?

Арман молчал. Он чувствовал, как бешено колотится сердце. Сказать правду — значит прослыть безумцем. Солгать — значит лишиться единственного шанса на жизнь.

— Да, — наконец произнес он, глядя прямо в прозрачные глаза Спитамена. — Я из будущего. Из времени, которое наступит через двадцать три столетия. И я знаю каждый шаг Искандера, потому что для меня это уже история.

Спитамен замер. Его рука с акинаком замерла, а ухмылка

на мгновение превратилась в жесткую линию.

— Из будущего? — он медленно, с головы до ног обвел тяжелым взглядом странную, невиданную одежду Армана и толстую книгу, которую парень испуганно прижимал к груди.

Вождь сделал резкий шаг вперед и бесцеремонно вырвал увесистый том Арриана из ослабевших пальцев студента. Спитамен перевернул книгу, долго и хмуро всматриваясь в безупречно ровные, напечатанные на станке ряды кириллицы.

— Это не греческие буквы, не арамейские и не наши, согдийские, — произнес он наконец, ведя подушечкой огрубевшего пальца по белой бумаге. — Что это за чудные письма-на?

— Язык, которого еще нет, — ответил Арман. — Поэтому ты без меня — просто человек с дорогой бумагой в руках. Ты не сможешь её прочесть.

Спитамен посмотрел на него долгим взглядом и вдруг усмехнулся. Впервые — без холода в глазах.

— Хитрый ученик.

Он небрежным, но бережным движением спрятал тяжелый том глубоко за пазуху своего подбитого мехом кафтана, надежно перетянув его кожаным поясом, и круто развернулся на каблуках сапог. Бесценный трофей теперь принадлежал ему.

Размашистым шагом вождь направился к ждавшим ко-

ням.

— Свяжите его, — бросил он на ходу массагетам. — И подберите на траве его белые амулеты, — он небрежно указал кончиком акинака на выпавшие беспроводные наушники. — И эту серую «Нирвану» стерегите. Она нам еще сильно пригодится.

Арман даже охнуть не успел, как почувствовал, как грубая, пахнущая конским потом петля аркана жестко ложится ему на шею. Спитамен резко пришпорил жеребца, веревка натянулась струной, и парня с размаху швырнуло лицом напрямик в сухую, потрескавшуюся грязь. Планируемая поездка на каникулы к дедушке в Аральск официально откладывалась на неопределенный, очень долгий срок.

Глава 3. Степной лагерь

Арман не шел — он спотыкался, едва поспевая за низко-рослой лошадейю массагета. Грубая веревка на шее не душила, но при малейшем рывке обжигала кожу, заставляя его глотать пыль, выбитую копытами из сухой земли. Его кеды, совершенно не предназначенные для марш-бросков по Кызылкумам, давно наполнились острым песком.

Земля под ногами стремительно менялась: плоская, как стол, равнина Каракумов с редкими кустами саксаула осталась позади. Река времени протащила их вверх по течению, и теперь вокруг вздымались каменистые предгорья.

Когда Армана, полуживого от усталости, приволокли в лагерь, он с ужасом и восторгом понял по рельефу: они поднялись к Верхнему Яксарту. Это были окрестности восставшего Кирополя — нынешний Худжанд.

Лагерь вырос перед ними внезапно, словно мираж, сотканный из дрожащего марева. Это не был упорядоченный римский легион. Это был организованный хаос: сотни войлочных юрт и кожаных шатров, раскинутых по балке у скрытого источника. Ржание коней, крики женщин, звон наковален — степь жила своей яростной, хищной жизнью.

— Эй, Спитамен! Кого ты притащил? — крикнул коренастый воин, отвлекаясь от заточки меча. — Это что за греческий евнух? Уж больно кожа бледная, как у девки!

Спитамен осадил коня и легко прыгнул на землю. При его движении золотая чешуя на кафтане издала сухой, металлический шелест. Он вытащил из-за пояса книгу Арриана и покрутил её перед носом воина.

— Это Арман из рода «Нирвана», — усмехнулся он, театрально обводя Армана рукой.

— Тот самый «пророк», который утверждает, что пришел из времен, которые еще не наступили. Видимо, через две тысячи лет люди совсем обеднеют — раз носят такие синие тряпки с дырками на коленях.

Вокруг захохотали. Один из массагетов толкнул Армана в спину, и тот рухнул на колени, едва успев подставить руки.

— Развяжите его и ведите ко мне, — бросил Спитамен. — Если этот «человек из будущего» — шпион Искандера, то самый бездарный в истории.

Аркан упал. Арман медленно поднялся, растирая горящую от веревки шею. Его поразило одно: женщины. Они не прятались. Девушки в высоких головных уборах и кожаных доспехах точили мечи наравне с мужчинами, а у их седел висели **колчаны**.

— Смотришь на наших дев? — Спитамен подошел вплотную, заметив его взгляд. — У нас в степи, если не умеешь стрелять — ты не живешь.

Ночь опустилась на лагерь мгновенно. Спитамен жестом пригласил Армана в большой шатер, где на расшитых подушках уже была разложена «карта богов» — книга Арриа-

на. Внутри пахло дымом, старой кожей и кислым молоком. Спитамен уселся, положив руку на рукоять акинака, и налил в деревянную чашу что-то белое.

— Пей. Это **кумыс**. Посмотрим, признает ли твое чрево напиток предков. А потом ты откроешь свои письма.

Арман сделал осторожный глоток. Вкус был резким, бьющим в нос, но до боли знакомым. Точно такой же делала его эжека (бабушка) в Аральске. На мгновение это воспоминание успокоило сердце.

— Делают... до сих пор делают, — глухо ответил Арман, вытирая губы. Он придвинул к себе книгу под пристальным, гипнотическим взглядом вождя.

— Спитамен, я серьезно. Нам нужно читать это сейчас, до рассвета. Здесь написано, что будет дальше. Искандер не просто перейдет реку. Он построит город за двадцать дней. У него есть машины... камнеметы, баллисты. Они кидают камни и огромные стрелы с такой силой, что ваши щиты разлетятся в щепки.

Спитамен вдруг расхохотался — злым, колючим смехом.

— Машины, швыряющие камни? Александр сошел с ума от жары. Пусть швыряет. Степь большая, камней у него на всех не хватит.

— Он победит в этой битве на берегу! — тихо, но твердо сказал студент, перебивая смех вазурга. — Вы отступите под этим огненным дождем, потому что не готовы к такой магии механиков. А потом он начнет преследовать тебя в самых

черных песках.

Смех оборвался. Спитамен подался вперед, его прозрачные глаза опасно сузились. Он схватил Армана за воротник футболки Nirvana.

— Слушай меня, мальчик. Победа — это не когда ты занял кусок грязи у реки. Победа — это когда твой враг боится засыпать. Искандер никогда не станет хозяином этой земли, пока здесь живет ветер.

В шатер вошла высокая девушка. Её русые волосы были заплетены в десятки мелких косичек, а на плече висел короткий лук.

— Спитамен. — Её голос был холодным. — Наши лазутчики видели движение на том берегу. Македонцы начали рубить лес.

Спитамен отпустил Армана и подмигнул ей.

— Видишь? Бог войны нервничает. А это — Айбике. Она ненавидит греков больше, чем я.

Айбике окинула студента презрительным взглядом.

— Кто это? Очередной сумасшедший, которого ты подобрал в пустыне?

— Это наше «секретное оружие», Айбике. Он говорит, что он из завтрашнего дня и умеет читать знаки на этой волшебной бумаге.

Спитамен встал, его золотая чешуя тускло блеснула в полумраке шатра. Он взял книгу Арриана и жестко протянул её Арману.

— Держи свою «карту судьбы». Раз ты утверждаешь, что в ней записан каждый шаг Искандера, ты пойдешь со мной на берег. Но помни наш уговор: за каждую страницу, которую ты прочтешь для себя, ты будешь рассказывать мне маневры врага. Если Лев сделает то, чего нет в твоей книге, или если ты скроешь хоть один его шаг — эта книга станет твоим погребальным костром. Считай это своим единственным оружием. Собирай людей, Айбике! Мы проверим, стоят ли чего-то пророчества этого Шымкента против нашей стали.

Арман прижал увесистый том к груди, чувствуя, как футболка пропиталась холодным потом.

— Справедливо, — ответил Арман, понимая, что его первая сессия на истфаке была детской игрой по сравнению с этим зачетом на выживание.

Арман посмотрел на Айбике. В её глазах не было жалости, только холодная решимость степного волка.

Глава 4. Лес копий и огненный дождь

Всю ночь лагерь саков бурлил. Они не спали. По балкам перекликались дозорные, шаманы били в бубны, а воины наносили боевую раскраску на лица и крупы коней. Армана, чьи руки наконец развязали после изнурительного ночного перевода книги, поразило отсутствие паники. Несмотря на то, что за время жестокого марша на аркане сквозь Каракумы его протащили на сотни километров вверх по течению — от плоских степей к каменистым предгорьям Верхнего Яксарта, — парень быстро пришел в себя. Его, как историка, восхищало то, что он видел: в отличие от персидских армий, саки двигались слаженно, как единый организм. Каждый знал своё место.

На рассвете степная орда пришла в движение. Спитамен, в своей золотой чешуе поверх алого кафтана, осадил коня прямо перед Арманом. В утреннем тумане на том берегу реки уже угадывались громоздкие деревянные контуры, о которых студент настойчиво предупреждал у костра. Вождь ода-рил парня коротким, оценивающим взглядом прозрачных глаз и едва заметно кивнул Айбике:

— Дай ему коня, как я обещал. Сегодня, ученик, твои пророчества пройдут проверку на достоверность. Смотри

внимательно.

Арман ехал на запасной лошади; Айбике ехала рядом, уверенно и жестко держа поводья его коня в своей руке — парень всё еще оставался пленником, просто теперь «особого назначения». Чужак в пыльных джинсах и футболке с портретом Кобейна выглядел дико среди этого океана кожи, бронзы и наряженных в золотые маски лошадей. Но ему было не до смеха. Глядя на стройные ряды конных лучников, он вспоминал описания из учебников: эти племена могли вести прицельный обстрел, даже обратив коней в бегство — так называемое «Скифское колесо».

Они вышли к берегу Яксарта, когда солнце окончательно взошло. Река здесь, у предгорий, была широкой, быстрой и бурной. На том берегу, всего в полукилометре, кипела жизнь. Арман замер. То, что он видел в ЮКГУ на схемах, ожило перед глазами.

Древний Кирополь был разрушен, а на его руинах стремительно росла Александрия Эсхата — крайний форпост новой империи. Стены города из свежей глины и камня были наполовину готовы. Тысячи людей таскали глыбы, но при появлении сакской конницы работа мгновенно встала. Македонская армия начала разворачиваться в боевые порядки.

— Лес копий... — прошептал Арман.

Это действительно был лес. Знаменитые **сариссы** — шестиметровые копья македонской фаланги — со свистом поднялись ввысь. Арман без труда узнал подразделения: **гипас-**

ПИСТЫ в блестящих доспехах на флангах, а в центре — тяжёлая пехота. На правом фланге собиралась элита — конница гетайров под командованием Коэна и других полководцев.

— Смотри, — Айбике ткнула плетью в сторону реки. — Вон он. Искандер.

Арман прищурился. В центре гетайров на огромном черном коне сидел человек в панцире, покрытом золотой чешуей. Но Арман как историк знал скрытую изнанку этой величественной картины: Александр тяжело болен. Накануне он выпил плохой воды из реки, и его мучила жесточайшая дизентерия. Сейчас великий завоеватель держался в седле только на бешеной, почти безумной силе воли.

Саки на северном берегу начали ритуал устрашения: выкрикивали оскорбления, свистели и пускали стрелы навесом, звеня нашитыми на кожаные доспехи золотыми барсами.

— Смейся, Искандер! — Спитамен проехал вдоль самого края воды, его матовое золото доспехов слепило глаза грекам на том берегу. — Яксарт не покорится твоим камнетёсам!

Арман похолодел. Он вспомнил уцелевшие главы Арриана и понял, что Александр прямо сейчас разыгрывает свою главную карту — психологический фактор.

— Спитамен! — крикнул студент, перегибаясь с седла. — Уезжайте от берега! Назад к холмам, сейчас же! Они не будут переправляться просто так, они расчищают место для высадки!

Спитамен обернулся, его хищная ухмылка стала шире.

— Ты боишься, что их копья достанут нас через реку? Не смейся меня, толмач из Шымкента.

В этот момент на том берегу раздался резкий, металлический звук лопнувшей гигантской тетивы — именно тот страшный, непривычный гул, который Арман описывал ночью в шатре.

— Это не копья... — прошептал Арман, инстинктивно вжимая голову в плечи. — Это баллисты.

Александр Македонский был первым в истории военного искусства, кто додумался использовать тяжелые осадные машины не против стен, а в полевом бою. С громким, леденящим душу скрежетом и свистом через реку полетели огромные камни и двухметровые тяжелые стрелы.

Одна такая стрела с глухим треском насквозь прошла сакского вождя, стоявшего в пяти шагах от Спитамена. Смех мужчины оборвался, он упал замертво. Кочевники впервые в жизни увидели оружие, которое убивало без промаха с такого огромного расстояния. Среди всадников у воды поднялась паника, кони начали шарахаться и вставать на дыбы.

Спитамен замер, глядя на хлынувшую на прибрежный песок кровь своего человека, а затем резко перевел взгляд на Армана. В его прозрачных глазах больше не было насмешки или высокомерия. Там было жесткое, яростное признание: *«Ты не наврал ни в одном слове»*.

— Рассыпаться! К холмам! — взревел Спитамен, круто

разворачивая коня и наконец отдавая тот самый приказ, который Арман твердил ему всю ночь. — Уводить лошадей из-под удара! Не давать их механикам цели!

А в это время на реку уже спустили сотни плотов. Македоняне использовали мехи, набитые сеном, чтобы стремительно переправлять передовую пехоту под прикрытием непрекращающегося огненного дождя и летящих камней из катапульт. История на глазах Армана превращалась в кровавый, безумный боевик. Он понимал: саки столкнулись с военной мощью нового типа, к техническому гению которой степь просто не была готова.

Айбике, тяжело и часто дыша, с силой рванула поводья коня Армана, уводя его вслед за уходящим отрядом Спитамена в глубь каменистых ущелий и холмов, подальше от смертоносного берега. Она сжала свой лук так, что костяшки пальцев побелели, и с неподдельным страхом обернулась на грохочущую позади реку:

— Что это за магия, Арман? — прошептала она.

— Это искусство механики, Айбике, — ответил Арман, чувствуя, как пыль античности и гарь от катапульт забивают лёгкие. — И оно прямо сейчас уничтожает старые правила вашего мира.

Глава 5. Первый бой: Тень македонской сариссы

Берег Яксарта (Сырдарьи) превратился в кипящий котел. Пока катапульты греков продолжали слаженно, как по часам, выплевывать смерть, первые плоты из набитых сеном козьих шкур коснулись ила.

Арман видел это словно в замедленной съемке. Македонские щитоносцы-гипасписты на ходу прыгали в ледяную воду, по пояс в пене, и мгновенно смыкали над головами монолитную стену из тяжелых бронзовых щитов. Они действовали как единое грозное тело, обученное и закаленное в сотнях безжалостных битв от Балканских гор до выжженных солнцем песков Египта.

— Они переправились! — крикнула Айбике, пуская стрелу в сторону десанта. — Спитамен, их слишком много!

Спитамен сидел в седле неподвижно, словно высеченное из темного гранита изваяние. Его «джокеровская» ухмылка исчезла. Он молча смотрел, как тяжелое бревно, выпущенное катапультой, со свистом пролетело над головами и в щепки разнесло повозку с припасами за его спиной. Это была война нового, невиданного типа, к которой его гордый народ попросту не привык. Свободные кочевники верили в честный, открытый поединок всадника против всадника, в силу

лука и быстроту коня, а не в летящие с неба камни и окованные железом бревна.

— Назад! — яростно скомандовал Спитамен, высоко взмахнув обнаженным акинаком. — Уводим их в ущелья! На каменистых кручах их тяжелое железо станет для них могилой!

Саки начали свое знаменитое, обманное отступление. Они кружили на конях, засыпая тяжелую пехоту македонян градом стрел, и тут же стремительно растворялись в облаках серой каменной пыли. Арман, чью лошадь Айбике жестко тащила за собой на коротком поводке, сквозь пелену видел, как Александр — он уже успел переправиться и теперь лично руководил боем с берега — подал резкий знак своим трубачам. Звонкий медно-серебряный рог прорезал гул сражения.

— Сейчас будет ловушка... — пересохшими губами прошептал Арман, чувствуя, как сердце испуганной птицей бьется о ребра. — Спитамен, стой! — закричал он во весь голос, едва не срывая связки. — Не смейте идти за ними! Это приманка!

Но в яростном грохоте тысяч копыт, свисте стрел и гортанных криках его отчаянный голос никто не услышал.

Арман слишком хорошо помнил этот роковой момент из уцелевших глав Арриана. Александр выслал вперед небольшой, нарочито уязвимый отряд кавалерии — продромов. Это были легкие всадники, которые с криками бросились

вперед и тут же начали «панически» отступать. Саки, увидев легкую добычу, радостно, торжествующе взревели и принялись стремительно смыкать вокруг них свое знаменитое кольцо, засыпая греков стрелами с близкого расстояния. Сработало скифское колесо.

— Мы зажали их! — торжествующе крикнул один из знатных степных вождей, проносясь мимо. — Искандер сам отдал нам свою лучшую конницу!

— Нет! — Арман в отчаянии рванулся в седле, едва не сбив Айбике. — Посмотри на фланги! Посмотри на тучи пыли справа, за скальным выступом!

Спитамен резко обернулся, и его глаза опасно сузились. Из-за каменистого холма, скрытого полуденным маревом, на бешеной, сокрушительной скорости вылетал грозный клин тяжелой конницы гетайров. Александр лично возглавлял эту яростную атаку. Македоняне не тратили времени на стрельбу из луков — они шли на таран, выставив вперед длинные кавалерийские копья-ксистоны из прочного кизилового дерева.

Это был безупречный, смертоносный капкан царя. Пока саки были увлечены окружением легкой «приманки», Александр со всей дури ударил им во фланг и тыл.

— К бою! — взревел Спитамен, мгновенно поняв, что молодой македонец его перехитрил. — Разворачивайте коней! Встречайте их сталью!

Началась кровавая, беспощадная свалка. Арман видел всё

в таких страшных деталях, о которых никогда не писали в сухих университетских учебниках. Он видел липкий, вспененный пот на крупах хрипящих коней, слышал отчетливый, жуткий хруст ломающихся человеческих костей и оглушительный лязг бронзы о железо. Тяжелые гетайры врезались в легкую конницу кочевников, как раскаленный нож в масло.

Айбике с тихим рыком выхватила из ножен кривой сакский нож. Всего в нескольких метрах от них македонский всадник в чешуйчатом панцире точным ударом сбил с седла молодого сакского парня и уже замахнулся копьем, чтобы добить его на земле. Айбике с тихим рыком выхватила из ножен кривой сакский нож-микин. Перегнувшись со своего скакуна почти до земли, она на полном скаку точным, яростным ударом вогнала лезвие в незащищенное сочленение доспеха под мышкой грека. Тот судорожно захрипел...

— Уходим, Арман! Живее! — крикнула она, её лицо и тугие тонкие косички были густо забрызганы чужой горячей кровью. — Спитамен приказал отступать вглубь каменистых холмов!

В этот самый миг Арман увидел Его.

Александр проскакал на своем вороном Буцефале всего в тридцати метрах от них, прорубая дорогу сквозь строй. Его породистое лицо было смертельно бледным, почти серым от изнуряющей лихорадки, а губы потрескались до крови от жара и невыносимой жажды. Он едва держался в седле, но его взгляд... этот яростный, немигающий взгляд горел безум-

ным, пугающим огнем. Александр на секунду обернулся в сторону отступающих саков, и Арману на долю мгновения показалось, что Царь Азии посмотрел прямо на него — на странного парня в синих джинсах и грязной, серой футболке с едва различимым портретом Кобейна.

Царь внезапно покачнулся в седле, его пальцы выпустили поводья. Верные телохранители-соматофилаки тут же на ходу подхватили своего Басилевса под руки, закрывая его щитами.

— Он падает! — громогласно закричали саки, заметив это движение. — Вождь греков повержен! Их бог умирает!

— Это не бог... — обессиленно прошептал Арман, качая головой. — Это гнилая речная вода, дизентерия и безжалостное солнце Согдианы.

Но Александр не упал. Преодолевая страшную боль, он заставил себя выпрямиться в седле, однако македонская погоня окончательно захлебнулась. Генералы поспешно остановили конницу. Они не рискнули углубляться дальше в раскаленные, незнакомые каменистые теснины предгорий вслед за отступающим Спитаменом. Дикая природа сделала то, чего не смогли добиться камышовые стрелы: она остановила великого завоевателя.

Вечер застал поредевшие, измотанные остатки орды Спитамена глубоко в скалистых распадках горного плато. Саки были морально подавлены. В этой короткой, яростной переправе они потеряли больше тысячи лучших воинов и

нескольких знатных родовых вождей.

Спитамен сидел у небольшого костра, угрюмо глядя на прыгающие языки пламени. Его алый шелковый кафтан был порван на плече, а лицо превратилось в суровую, неподвижную маску. Он медленно повернул голову к Арману, который сидел на камне рядом, безуспешно пытаясь соскрести засохшую глину с серой футболки.

— Значит, твои чудные свитки не вдали, книжник, — негромко произнес вождь, всматриваясь в темноту ущелья. — Ты действительно знал про эти летающие бревна. Видел каждый полет камня еще до того, как греческие мастера вытесали его из скалы.

Арман тяжело привалился спиной к теплему крупу уставшего коня. Страх отступал, оставляя после себя лишь звенящую, опустошающую пустоту во всем теле и сильную тошноту.

— В моем мире тебя знают все, Спитамен. О твоих битвах спорят на лекциях в университетах, о тебе пишут толстые бумажные тома. Я просто... я всё это заучивал перед экзаменом. Ты для нас — великая легенда, понимаешь? А Искандер — лишь грозная тень из далекого прошлого.

— Он тяжело болен, — подала голос Айбике. Она сидела у огня, туго стягивая зубами узел окровавленной повязки на раненом плече. Серебряные бляшки в её косичках тускло поблескивали. — Я видела его лицо совсем близко. Оно серое, как зола, а руки дрожат на поводьях. Он что, скоро

сдохнет в наших горах?

— Не сегодня, — Арман со вздохом покачал головой. — Он выживет. Построит на этих разрушенных камнях свою Александрию Крайнюю, назовет её «Эсхата». Но дальше на север, вглубь вольных земель, он со своей фалангой больше не пойдет. Вы — единственный народ, который заставил его сломать свои планы и остановиться. Здесь, на этой бурной реке, его **Ойкумена** закончилась.

Спитамен вдруг коротко, хрипло рассмеялся. В этом звуке не было веселья — лишь горькое, глубокое осознание своей силы. — Значит, я всё-таки сделал это? Заставил этого самозванного бога повернуть свои плоты назад?

— Ты проиграл сегодняшний бой у реки, Спитамен, — тихо, но твердо ответил восемнадцатилетний историк, глядя вождю прямо в глаза. — Но ты выиграл эту землю. Ты сохранил её свободу.

Спитамен медленно поднялся, подошел к Арману и с тяжелым уважением положил свою широкую ладонь ему на плечо.

— Завтра на рассвете мы снимаем лагерь и уходим далеко на запад, к берегам Великого моря (Аральского моря). Там, среди бескрайних камышей, скрытых протоков и соленых песков, мы соберем новую, неодолимую силу. Ты пойдешь вместе с нами, Арман из Шымкента. Раз уж ты так хорошо знаешь каждый шаг Искандера, ты поможешь мне переписать это будущее заново. И если его генералы захотят продолжить

эту игру — мы встретим их там.

Арман поднял голову и посмотрел на высыпавшие над черными хребтами предгорий холодные, алмазные звезды. Они были точно такими же, какими он видел их в 2026 году над родным домом. Но теперь парень отчетливо понимал: настоящая история — это вовсе не сухие строчки из учебников. Это то, что пахнет горькой полынью, горячей кровью и настоящей, дикой свободой.

Глава 6. Море Камышей и Призрак Будущего

Путь от Яксарта к «Великому морю» — тому, что в будущем Арман назовет Аральским, — занял больше недели. Это не был комфортный вагон поезда с кондиционером. Это была пытка пылью, зноем и бесконечным покачиванием в седле.

Степь менялась. Вместо глинистых такыров пошли песчаные барханы Кызылкумов, поросшие жестким саксаулом. Арман чувствовал себя живым ископаемым. Его кеды окончательно развалились, и Айбике, ворча что-то о «неженках из будущего», швырнула ему пару мягких кожаных сапог с загнутыми носками.

— Надевай, «Нирвана», — бросила она. — Твои синие тряпки рассыпались, как надежды Искандера на быструю победу.

Арман переоделся. Теперь на нем был простой холщовый кафтан, перехваченный широким поясом, и те самые сапоги. Только футболка с Кобейном, которую он наотрез отказался снимать, выглядывала из-под кафтана, как странный магический оберег. С его высоким ростом, русыми волосами и теперь уже обветренным, загорелым лицом он стал пугающе похож на местного — если бы не эти неестественно большие,

все еще удивленные глаза.

На девятый день воздух изменился. В нем появилась влага. Из-за горизонта поднялась стена высокого, в два человеческих роста, камыша.

— Смотри, толмач. — Спитамен придержал коня, поджидая Армана. — Океан, который не имеет конца. Мои предки называли его Ворукаша, а мы зовем просто — Море.

Арман замер. Перед ним расстился **Арал античной эпохи**. Это было не то печальное, высохшее кладбище кораблей, которое он ожидал увидеть в 2026-м. Это была бескрайняя синяя гладь. Большие стаи розовых фламинго взмывали в небо, а в камышах рычали туранские тигры — хозяйева этих мест.

— Боже мой... — прошептал Арман. — Оно живое. Оно огромное.

Спитамен пристально посмотрел на него. За неделю пути он привык к странным рассказам пленника, но всё еще прощупывал грань между его безумием и истиной.

— А каким оно должно быть? — спросил вождь. — Море — это жизнь. Здесь Искандер нас не достанет. Его тяжелая пехота увязнет в этих болотах, а его кони сдохнут от гнилой воды. Ты говорил, что в твоём времени люди убили даже воду. Что море исчезло. Это правда, Арман из Шымкента?

Арман кивнул, не в силах оторвать глаз от горизонта.

— Правда. Мы превратили его в пустыню.

Спитамен помрачнел. Для него, человека, чья жизнь зави-

села от каждого колодца, это звучало страшнее любого проклятия. Он не понимал технологии, но он понимал **силу**, способную осушить море. Это заставляло его верить Арману больше, чем любая магия.

Лагерь разбили в дельте реки. Здесь их ждал Оксиарт — лидер согдийцев и отец Роксаны.

Арман увидел её почти сразу. Роксана (Рухшона) не была похожа на покорную красавицу. Она была статной, с пронзительным взглядом темных глаз. Она обсуждала с отцом поставки зерна.

— Кто этот чужак? — спросила она, когда Спитамен подвел Армана. — У него лицо эллина, одежда нашего народа, а на груди — лик мертвеца.

Она указала на принт с Куртом Кобейном.

— Это мой тотем, — ответил Арман. — Его звали Курт. Он пел о боли и свободе.

Спитамен хмыкнул, но в глазах его не было веселья.

— Рухшона, этот парень утверждает, что он из времен, которые наступят через тысячи лет. Он говорит, что видел в своих книгах, как Искандер строит города за двадцать дней. И он говорит... — Спитамен сделал паузу, — что ты станешь его женой.

Роксана медленно поднялась. Арман почувствовал запах горьких трав и степного ветра.

— Женой? — Она горько усмехнулась. — Искандер убивает моих братьев. Как я могу лечь с ним в одну постель?

— Это будет твой выбор, Роксана, — тихо сказал Арман.
— Выбор ради спасения народа. Ты покоришь того, кто покори́л мир.

Айбике, стоявшая рядом, сжала рукоять ножа.

— Я бы лучше перерезала ему горло. Но у царевен, видимо, своя война.

Ночью Арман сидел на берегу, слушая шум прибоя. К нему подсел Спитамен. Он больше не улыбался.

— Ты много болтал в бреду, когда мы шли через пески, — Спитамен крутил в руках акинак. — Про железных птиц в небе, про огни, которые горят без костров. Я думал, ты безумен. Но сегодня я видел страх в твоих глазах, когда ты смотрел на море. Ты смотрел на него как, на покойника.

Он замолчал, вглядываясь в темноту.

— Скажи мне самое страшное. В твоих книгах... чем закончится мой путь?

Арман сглотнул. Настал момент, которого он боялся больше всего.

— Тебя предадут, Спитамен.

Рука вождя замерла на рукояти меча. Воздух вокруг словно заledenел.

— Кто? — коротко бросил он.

— Твои союзники. Массагеты. Они испугаются Искандера и решат, что твоя голова — хорошая цена за их покой. Твоя жена... она тоже будет там.

Спитамен долго молчал. Лишь волны мерно бились о бе-

рег.

— Мою голову, значит... — Он вдруг улыбнулся, и эта улыбка была страшнее любого гнева. — Что ж... Это хороший конец для того, кто всю жизнь заставлял царей дрожать. Но знаешь что, Арман из Шымкента? Теперь, когда я знаю финал, я изменю сценарий. Твои книги написаны теми, кто победил. Но здесь и сейчас... здесь пишу я.

Он встал и посмотрел в сторону горизонта, где за сотни миль от этого места достраивалась Александрия Эсхата.

— Завтра мы начнем рейд на Мараканду. Мы выманим его генералов из крепостей. Ты поедешь со мной. Ты будешь моим «советником из будущего». Мы покажем Искандеру, что такое настоящий хаос.

Арман посмотрел на свои руки. Они были в мозолях от поводов. Он вспомнил своего деда в Аральске, который всегда говорил: «История — это не то, что было. Это то, что ты делаешь прямо сейчас».

— Хорошо, Спитамен, — сказал Арман. — Но у меня есть одно условие.

— Условие? У пленника? — Спитамен поднял бровь.

— Мы должны спасти Роксану от того, что случится после смерти Александра. Иначе вся эта история не имеет смысла.

Спитамен хлопнул его по плечу так, что Арман чуть не упал в воду.

— Договорились, толмач! Спасем девчонку, сожжем пару греческих лагерей и, может быть, заставим твоего Курта Ко-

бейна гордиться нами!

Глава 7. Тени Мараканды

Путь от Моря Камышей обратно к Мараканде (Самарканду) был быстрым и жёстким. Спитамен больше не напоминал весёлого безумца. Он разделил свою армию на десятки мелких мобильных отрядов. Основной костяк составляла тяжелооружённая согдийская конница — аристократия, защищавшая свои земли. Но самую опасную работу выполняли конные лучники массагетов под началом Айбике — те самые неуловимые «призраки степи».

Арман ехал в отряде самого Спитамена. Студент, чья современная футболка превратилась в пыльную ветошь, ловил на себе косые взгляды воинов. Они всё ещё не понимали, кто он — пророк или сумасшедший эллин, которого вождь зачем-то держит при себе.

— Скажи мне, советник, — Спитамен придержал коня, подпуская Армана поближе. — В этой твоей книге с гладкой бумагой сказано, как Искандер держит города? Он действительно оставляет в них гарнизоны? Пару тысяч греков — и всё?

Арман кивнул. Жажда и усталость от бесконечной скачки притупили его страх, уступив место профессиональному азарту историка.

— Да. Но это не просто солдаты. Это ветераны, которым обещана земля. Они строят цитадель внутри города. Мара-

канда обнесена мощной стеной — в моих книгах пишут, что её окружность около тринадцати километров. Греки сидят в крепости, а согдийцы — снаружи, в предместьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.